

УЮТНЫЙ ЗАГОРОДНЫЙ ДОМ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ ОТОПЛЕНИЕМ: несколько слов о готических новеллах

«Если мне зададут вопрос, что для меня страшнее: замки с башнями, где бродят, звеня цепями, безголовые призраки жертв, или уютный загородный дом с холодильником и центральным отоплением, куда стоит войти и тебе тут же становится не по себе, я отвечу: второе!» — заявляет рассказчица одной из включенных в данный сборник новелл, и, надо признать, она совершенно права: в мире готических новелл, или историй с привидениями (*англ.* ghost stories), страх понимается по-особому, он далек как от впечатляющих театральных эффектов готического романа XVIII столетия, так и от современных «ужастиков» с толпами зомби и горами оторванных конечностей. Это страх, если так можно выразиться, уютный — недаром подобные истории, зачастую напечатанные в журналах, были популярным семейным чтением. Но корни у него глубокие и непростые: викторианская Англия, могучая империя, имеющая все основания гордиться развитой промышленностью и высокой культурой, считавшая себя средоточием цивилизации... боялась: боялась, что созданное с таким трудом может рухнуть, что «дикари» с далеких островов прельстят леди и джентльменов своими причудливыми ритуалами, что эволюция (опять-таки совсем недавно описанная

Чарльзом Дарвином и вызвавшая столько споров) пойдет вспять, коль скоро человека от животных не отделяет безусловная и незыблемая граница.

Идея домашнего очага, еще одна как будто абсолютная ценность эпохи, тоже, надо полагать, вызывала сомнения и тревоги — иначе не возник бы ставший знаковым, классическим образ дома с привидениями (haunted house — дословно это выражение перевести практически невозможно, английский глагол to haunt обозначает «преследовать», «появляться», «обитать» — собственно, то, чем и занимаются призраки). Это, конечно, не зловещий замок из старинных романов, но место на свой лад не менее пугающее — именно что своей обыденностью. Сестра героини «Дня Всех Душ» выбирает очень точную формулу для этого ощущения: «становится не по себе». И тем больше не по себе, что дом с привидениями — это все же дом и обыденное сознание привыкло к идее домашнего уюта и безопасности («мой дом — моя крепость»).

Другое наблюдение проницательной рассказчицы также можно распространить на весь жанр: призраков в готических новеллах зачастую видят действительно люди рационального склада ума, например военные или ученые, то есть те, для кого подобная неожиданность оказывается максимально травматичной, потому что бросает вызов всей их тщательно выстроенной картине мира. Но это все же жанр развлекательный, призванный не устрашать и поучать, а доставлять удовольствие, и потому страх здесь не совсем настоящий, а призраки то ли реальны, то ли нет: не потому ли так часто встречается фигура повествователя, посредника между миром истории и миром читателя? Так, события «Дня Всех Душ» непосредственная их участница пересказывает сестре, а уже та — нам, и получается, что между читателем и самим таинственным

происшествием стоят целых два посредника и большой вопрос, что же было «на самом деле». Конечно, это своего рода игра, и читатель прекрасно понимает меру условности повествования и ни за что не спутает его с документальным свидетельством (хотя в то время существовали и так называемые «подлинные истории с привидениями» — сборники рассказов очевидцев), но напряжение между различными возможными истолкованиями делает чтение еще более увлекательным.

Статус историй с привидениями как жанра столь же проблематичен. С одной стороны, это действительно развлекательное чтение, продукт массовой культуры (и в нем было немало явной «халтуры»), с другой — им не пренебрегали ведущие писатели эпохи. Автор самого раннего из представленных в сборнике произведений, Элизабет Гаскелл, давно имеет статус классика английской литературы и прославилась в первую очередь социальными романами, но к жанру готической новеллы обратилась по просьбе Чарльза Диккенса, еще более известного (и тоже слывущего реалистом) автора, который издавал журналы «Домашнее чтение» и «Круглый год». Диккенс надеялся, что его журналы будут не просто скрашивать досуг читателей, но и просвещать их, способствовать их нравственному росту. Его собственные рождественские повести («Рождественская песнь в прозе», «Сверчок на печи» и др.) содержали ярко выраженные «готические» и одновременно дидактические элементы, а, например, новелла «Сигнальщик» — это классическая «история с привидением».

В настоящий сборник вошла новелла Гаскелл «Любопытно, если правда». И это очень необычный текст (ее же «Рассказ старой няньки» — гораздо более типичный образец жанра). Перед читателем — как

будто письмо некоего эсквайра Ричарда Уиттингема, документ, личное свидетельство. В этом нас убеждают многочисленные точные подробности в начале повествования — упоминания родственников и предков (среди которых известные исторические персоны), мест во Франции, куда рассказчик собирался поехать ради архивных разысканий, вполне прозаические бытовые детали. Впрочем, очень быстро история, что называется, сворачивает не туда — и вместо рассказа о работе в архивах мы получаем нечто совсем иное.

Наш герой отправляется на вечернюю прогулку, задерживается и решает срезать путь. Нетрудно вообразить — конечно, в первую очередь тем, кто знаком с жанром готической новеллы и знает «правила игры», — что это оказывается роковым решением, пусть в данном случае последствия и не столь опасны. Истории с привидениями заимствуют из устных рассказов, сказок и легенд некоторые повествовательные принципы, например обязательное нарушение запрета. Как известно, жена Синей Бороды открыла запретную комнату, но, если бы она послушалась мужа, сказки бы попросту не было; так и в готической новеллистике любое вторжение в запретную зону, любое вольное или невольное действие «вопреки правилам» запускает цепочку таинственных и жутковатых событий. Здесь, как опять-таки можно догадаться, ничего фатального для героя (он же рассказчик) не происходит — иначе сообщить о них было бы просто некому, да и в заглавии и в интонациях сэра Ричарда («события настолько необычные, что принял бы их за сон») звучит обещание скорее увлекательного и необычайного, чем пугающего.

И сон, между прочим, упоминается отнюдь не случайно. Мы уже знаем, что фигура рассказчика позволяет сделать достоверность событий проблематич-

ной, — и сон, обморок, любые, как теперь принято говорить, измененные состояния сознания служат той же цели. Сэр Ричард сообщает о событиях и в самом деле диковинных, но вдруг прерывает свой рассказ: «И в тот же миг я обнаружил, что лежу в траве у дуплистого дуба, косые рассветные лучи падают прямо мне на лицо и множество мелких птичек и насекомых встречают тысячеголосым пением румяную зарю». Этому непосредственно предшествует таинственный хор звонких голосов, что окончательно убеждает читателя: уставший рассказчик уснул на поляне и проспал до самой зари, видя необычайные сновидения, отчасти вызванные впечатлениями дня и звуками леса.

Но что же ему приснилось? Это очень странный мир, одновременно убедительный и фантазмагорический, обитатели которого как будто люди, но с необычными именами и столь же примечательные внешне: кого-то отличает сочетание редкостного уродства со столь же редкостным обаянием, кого-то — сходство с котом, а одного господина — синеватый оттенок бороды! Эта деталь, наверное, самая очевидная, но буквально в каждом из присутствующих на загадочном балу можно разглядеть намеки на какого-нибудь сказочного героя. Рассказ превращается в своего рода развернутую загадку: ничего ужасного, в отличие от многих готических новелл, здесь не происходит, читателя увлекает другое — таинственная атмосфера «бала сказок» и разгадывание предложенных автором ребусов, узнавание «знакомых незнакомцев».

И конечно же, особый интерес вызывает рассказчик — даже оказавшись в столь нестандартной ситуации, он не изменяет себе и постоянно подмечает особенности нравов и произношения, цитирует и приводит аналогии; он ведь антиквар, просвещенный любитель старины, ради которой и предпринял путе-

шествие во Францию. Соседство «научного» и сказочного придает истории особую прелесть, окрашивает ее мягким юмором.

В следующих двух историях юмор и вовсе становится преобладающей стихией, и немудрено: их создатель — известный автор сказок, парадоксальных и комических историй Фрэнк Ричард Стоктон. Его американское происхождение не должно удивлять тех, кто убежден, что готическая новелла — британский национальный жанр: отчасти это так, но за океаном, наряду со специфической традицией американской готики (из которой российскому читателю лучше всего известны тексты Э. А. По и Г. Ф. Лавкрафта), появлялись тексты и вполне в духе европейской традиции. Даже в предлагаемом вниманию читателя сборнике среди авторов есть выдающиеся американские писатели Генри Джеймс и Эдит Уортон. Но все же намного чаще по ту сторону Атлантики создавались рассказы, в которых стандартные готические тропы подвергались комической перелицовке. Стоктон, впрочем, показывает нам «настоящий» дух умершего — однако же начиная с заглавия читателю ясно: бояться тут нечего: «Призрак и новая должность» звучит по-деловому и предвещает скорее авантюрную историю, чем страшную. Рассказчик влюблен в девушку (конечно же, самую замечательную на свете), но побаивается ее дяди, к которому, впрочем, испытывает добрые чувства. Однажды ночью, находясь в гостях у старого джентльмена, юноша встречает призрак, как две капли воды похожий на хозяина дома. Самое удивительное, что это его никоим образом не удивляет, а лишь становится причиной некоторого беспокойства: а вдруг с мистером Хинкманом случилась беда? Ни тоном, ни сюжетом новелла Стоктона не похожа на старинные предания, но в ней обыгрывается давнее фольклорное

представление: в виде призраков могут являться живым те, кто погиб насильственной смертью и/или не получил достойного погребения. Так народное сознание выражает идею правосудия, которое может осуществиться даже посмертно. Однако здесь явно другой случай и призрак какой-то... другой: он боится «с ума сойти от страха» (да, он, а не его смертный собеседник!) и далеко не сразу может толком объяснить рассказчику, кто он вообще такой, — а ситуация и впрямь запутанная.

Дело в том, что два с половиной года назад (не два и не три — точность отнюдь не сказочная!) старик едва не умер и его «назначили духом мистера Хинкмана». То есть в доме должен был появиться призрак умершего хозяина, но в нашей истории все «по-деловому» и призрак не *появляется*, а... занимает соответствующую должность. Впрочем, старый джентльмен выздоравливает, и это порождает юридический казус: договор заключен, призрак развоплотиться не может, а состоять при живом человеке вроде бы тоже не может. Не то чтобы это было совсем невозможно — существуют фольклорные истории о таких привидениях, которые являются, например, незадолго до смерти самого человека или как знак предупреждения. Вот и в нашей истории выход находится: мистер Хинкман весьма немолод, и невезучему духу остается всего лишь потерпеть. Беда в том, что старик обладает нелегким характером и изрядно досаждаёт несчастному, «является» ему на каждом шагу — то есть мало того что живой человек и его привидение сосуществуют, они еще и фактически меняются ролями.

Вся новелла построена на допущении, что призрак — это просто должность, и призрак старого Хинкмана в итоге занимает другую вакансию, причем по протекции старых друзей. Юмор Стоктона основан

на том, что традиционная для готических новелл ситуация разрешается по законам современных деловых отношений, что, вообще говоря, противоречит самой идее жанра: вторжение сверхъестественного в рационально устроенный мир оборачивается здесь встраиванием, мимикрией. А что же юный влюбленный? Конечно же, он получает руку любимой Мэдлин, иначе и быть не может, но и романтическая история воспринимается с той же долей иронии, что и готическая.

Новелла «Призрак в наследство» является непосредственным продолжением предыдущей. Рассказчик (а вместе с ним и читатель) уже практически не удивляется, обнаружив на веранде знакомого призрака, — он скорее раздосадован, ибо гость из мира духов доставил ему немало хлопот. На этот раз наш бестелесный знакомец является в обличье русского офицера: именно разница во времени между Россией и Америкой позволяет ему явиться рассказчику в сумерках — ведь на его родине день, а значит, привидения могут отдыхать от исполнения служебных обязанностей и делать, что захотят, например путешествовать.

Молодой человек не в восторге от этого визита: докучный призрак успел немало его утомить еще в прошлый раз. Оказывается, посетитель хлопочет о месте призрака старого Хинкмана для одного друга, ведь это очень престижная и завидная вакансия. Но рассказчик в ужасе: ему вовсе не хочется стать владельцем дома с привидениями, это практичный современный американец, и, кроме того, он не без оснований предвидит, что молодая жена (та самая Мэдлин) будет не в восторге от такой перспективы. Стоктону и на этот раз есть чем удивить читателя — уже понятно, что в его историях мир духов устроен по-деловому, что там есть и вакансии, и протекция, и «теплые местечки», но кто бы мог подумать, что живые могут со-

ставить им конкуренцию по части деловой хватки? Рассказчик решает, что знакомое «зло» все же лучше, и предлагает своему бестелесному собеседнику самому занять выгодную должность в поместье: он тут уже практически свой, да и не будет докучать постоянно, раз уж, пока в России ночь, ему нужно «работать» привидением офицера. Однако столь хитроумный план проваливается — в поместье «смена» длится и днем и ночью (не нарушает ли это трудовое законодательство, да и есть ли оно в мире духов?), так что после смерти мистера Хинкмана в поместье прибудет другой призрак.

Но позвольте, а почему это не может быть дух самого владельца поместья, ведь это же было бы не только логично, но и в духе традиции (к которой апеллирует и рассказчик)? Увы, все дело в конкуренции, и настырные претенденты «извне» непременно приберут к рукам престижную должность. И само собой, призрак, являющийся после смерти Джона Хинкмана, доставляет обитателям поместья немало хлопот, а Стоктон подает эту череду забавных происшествий скорее в духе комедийной мелодрамы, в очередной раз нарушая все законы готической новеллистики — к вящему удовольствию читателя.

Классик американской литературы Генри Джеймс, автор вошедшей в сборник новеллы «Съемный дом с привидениями», как будто тоже посвящает на конвенции жанра — но совсем в ином ключе. Рассказчик, студент-богослов, оказывается в центре таинственной истории о старом капитане Даймонде, проклявшем свою дочь за легкомысленное любовное приключение. Снова дело как будто идет к совершенно традиционной схеме (проклятие, призрак, раскаяние), но Джеймс верен себе, и все оказывается не тем, чем кажется поначалу.

И разумеется, здесь будет много психологических деталей и неспешной описательности, которая вовсе не делает повествование менее занимательным, поскольку в хорошей готической новелле главное даже не сама история, а атмосфера. Новелла Джеймса — достаточно длинная по меркам жанра, но и в небольших текстах могут встречаться подробные описания места действия. Если вчитаться в них внимательно, многое станет понятно, ведь в хорошо написанных историях с привидениями нет буквально ни одного лишнего слова, и каждое либо настраивает на определенный лад, либо подсказывает, что вскоре произойдет что-то странное и жуткое. На земле, например, будут лежать не просто сухие, но мертвые листья, а неодушевленные предметы будут жить своей непостижимой жизнью. Так, у Джеймса дома натянули на уши колпаки (то есть, конечно же, крыши), а зимнее небо напоминает усмешку красавицы.

Не обходится и без нотки юмора: глядя на старый дом в закатных лучах, молодой человек восклицает: «Все просто: это дом с привидениями!» Да уж, ничего проще и естественнее и представить себе нельзя... Однако читатель, знающий и законы жанра, и творческую манеру Джеймса, лишь улыбнется над обманым ходом и совершенно резонно заподозрит, что его ждет нечто куда более запутанное и неочевидное. Здесь используется и освященный временем прием: читатель в известной мере встает на место героя, видит мир его глазами и тем быстрее и полнее погружается в историю, переживает, пугается, ждет разгадки. К тому же, когда персонаж рассказывает сам, это создает иллюзию достоверности, открытости, «человеческого документа». Но если в шуточных рассказах Стоктона рассказчик — довольно просто сконструированная фигура (иной там и не нужно), то Джеймс

скрупулезно создает образ юного богослова, с его метаниями, неизбежными при выборе жизненного пути, интеллектуальными интересами, любопытством и непоседливостью. Герой начитан и любит искусство — а значит, нам придется не только узнать, какие книги и репродукции есть у него дома, но и увидеть окружающий мир сквозь призму ассоциаций и аналогий. Так, странный пожилой мужчина похож одновременно на портрет Эндрю Джексона и на персонаж Гофмана — и это не просто намеки на его внешний облик, но и более чем красноречивое указание на то, какое впечатление он производил (несмотря на малый рост и эксцентричность — довольно сильное и значительное) и какая от него исходила аура таинственности (все же Гофман — автор историй, которые вполне можно причислить к готической традиции, ироничных и глубоких). Пусть и неявно, но всплывает и гофмановская тема двойничества, иллюзорности: не только сама новелла несколько раз неожиданно «меняет курс», но и персонажи поворачиваются к нам разными гранями своей натуры, оказываются интереснее, чем можно было предположить поначалу. Совершенно не случайно рассказчик, описывая капитана Даймонда, сообщает, что «за этой зловещей маской прячется очень кроткий человек». И тут отчасти становится понятно, почему Джеймс делает своего повествователя таким молодым: важны не только его впечатлительность и любознательность, дело еще и в том, что герою только предстоит понять всю сложность мира, и «история с привидением» ему в этом поможет. Юношу ждет немало открытий, и призрак, вносящий арендную плату самыми настоящими деньгами, станет здесь отнюдь не самым удивительным моментом. История окажется то ли сложнее, то ли проще и человечнее, чем он (а с ним и читатель) думал вначале.

Совсем другую ветвь готической новеллистики представляют Э. и Х. Хероны. Необходимо заметить, что на рубеже веков пользовались огромной популярностью не только готические, но и детективные истории, более того, у двух жанров есть немало общего — в первую очередь идея тайны, загадки, вот только детектив предполагает внятное решение (как-никак на кону закон и порядок!), а в истории с привидениями с той же степенью неизбежности однозначное решение невозможно, по крайней мере такое, которое удовлетворило бы общепринятым представлениям о «понятности», все же речь идет о вторжении сверхъестественного в повседневный мир. Но да, возможно было рассказывать необычайные истории обоими способами и даже совмещать — потому что готика обладает уникальной жанровой «валентностью» и способна образовывать самые причудливые гибриды. Знаменитая «Собака Баскервилей», к примеру, представляет собой классический детектив, но в нее вплетены и готические мотивы, пусть в финале и оказывается, что никаких призраков и чудовищ не было, только несчастное животное, которое в своих целях использовал преступник. И это, кстати, хорошо накладывается на характерные для конца Викторианской эпохи особенности мышления: одни и те же леди и джентльмены могли живо интересоваться новейшими изобретениями и участвовать в спиритических сеансах, более того, сами призраки иной раз становились объектом изучения с применением вполне научных методов — сбор показаний «очевидцев», измерение, взвешивание и даже фотографирование! Понятно, что это создавало простор для разного рода мистификаций, однако многие верили, готовы были верить, что само по себе показательно.

Истории про оккультного детектива Флаксмана Лоу — не только занимательное чтение, но и интереснейший документ эпохи. Примечательны сам образ жизни и хобби заглавного персонажа (а о нем авторами написан цикл из 12 историй, из которого в нашем сборнике представлены две): он спортсмен, египтолог, интересуется загадками человеческого сознания, то есть следует моде — атлетика, оккультизм, психология и психиатрия, изучение Древнего Египта (тоже зачастую приправленное оккультными элементами) увлекали тогда очень многих. Флаксман Лоу — не слишком глубокий и многогранный герой, многое в нем сконструировано, «сделано по рецепту», но вокруг его фигуры оказывается возможно выстроить увлекательное повествование, чем-то напоминающее рассказы о Шерлоке Холмсе — здесь и верный помощник (доктор д'Имиран), и зловещий противник (Калмаркейн), весьма смахивающий на профессора Мориарти, и даже опиум (несомненно, вредный для здоровья — Флаксмана Лоу от роковых последствий спасает исключительная крепость организма). Впрочем, в первую очередь это все же история с оккультными мотивами, и в ней находится место для таинственного артефакта — найденной в древнем захоронении мумифицированной руки.

Всевозможные загадочные находки, предметы и тела (или их части) — пожалуй, один из самых частых мотивов готической новеллистики, вполне способный составить конкуренцию «дому с привидениями». Существовала даже целая ветвь жанра — антикварная готика, полностью построенная на том, как подобные находки ведут к роковым (пусть и не всегда фатальным) последствиям, вызывают к действию таинственные силы и служат своего рода порталом в прошлое.

Прогрессизм викторианской Англии имел обратную сторону — страх перед тем, что время может повернуть вспять, в цивилизованном человеке проснется кровожадный дикарь и архаические божества и духи возьмут реванш. Страх этот в полной мере отразился в литературной готике, пусть и смешанный с любопытством, с пристальным интересом к прошлому, — даром что среди авторов были профессиональные историки (М. Р. Джеймс, А. Грей) и просто просвещенные антиквары (С. Бэринг-Гулд). История про мумифицированную руку отчасти подхватывает эту тенденцию, а заодно отсылает к старинным легендам о потревоженных захоронениях, обиженные и разгневанные обитатели которых мстят живым.

Но финал у дилогии новелл про Флаксмана Лоу решен отнюдь не в мистическом ключе. Дуэль Лоу и Калмаркейна — событие вполне в пределах возможного, к тому же она происходит во Франции, что и позволяет герою избежать преследования по закону, то есть заканчивается все юридическим казусом. Более того, рассказчик заявляет, что повествование его, по сути, призвано помочь порядочному и благородному Лоу вернуть себе доброе имя: необычный прием создает иллюзию достоверности, превращая мистическую новеллу в некое подобие документа, едва ли не в показания свидетеля.

Характерно, что и оккультные интересы персонажа рассказчик считает наукой, — мы уже знаем, что для того времени подобный парадокс в порядке вещей. Однако из истории слова не выкинешь, и, когда читатель узнает, что на распродаже имущества покойного Калмаркейна Флакسمан Лоу и д'Имиран приобретают ряд старинных предметов, трудно не заподозрить их дальнейшее погружение в зловещие тайны прошлого, тем паче что среди этих предметов — брас-

лет, парный к обнаруженному на той самой мумифицированной руке.

Новеллы Эдит Уортон возвращают нас к «классическому» варианту готической новеллы. Уортон, подобно ее соотечественнику и современнику Генри Джеймсу, любит психологические подробности и умело придает высокий градус напряжения неспешному повествованию. О «Дне Всех Душ» уже шла речь, и сейчас самое время сказать, что в этой истории об ужасе обыденного (рассказанной настолько тонко, что сверхъестественное как будто и вовсе не появляется, а лишь присутствует в сознании героини — пусть и достаточно явственно, чтобы подтолкнуть ее к смене места проживания, — а таинственные происшествия можно, в духе жанра, счесть плодом воспаленного воображения) возникают старинные фольклорные мотивы, казалось бы несколько неожиданные для американской писательницы-реалистки. Рассказчица убеждена, что ее сестра столкнулась с колдовством, — ведь служанка Агнес родом с острова Скай в Шотландии, такого заповедника архаики, где сохранились обычаи и предания старины, а стало быть, вероятно, она вместе с другими слугами была на шабаше. В свете этого переезд сестры в Нью-Йорк кажется символическим: укрыться в американском мегаполисе от пугающего наследия Старого Света — вполне логичное решение.

Другая новелла Уортон, «Мистер Джоунз», тоже касается темы непростых отношений с прошлым. Леди Джейн достается в наследство красивый старинный дом, который, впрочем, уже некоторое время пустует; его последний владелец давно эмигрировал в Канаду и, умирая, завещал родовое гнездо дальней родственнице. Новая владелица — космополитка, много путешествовала (даже в тропические страны), писала пу-

теводители и, конечно же, никогда прежде не видела поместье Тудени-Блейзес. Она в восторге, однако первая попытка осмотреть дом приводит к досадному фиаско — дама не называет себя (видимо, из озорства — это весьма эксцентричная особа), и слуги не пускают ее, ибо... некий мистер Джоунз не велел пускать «посторонних». Ситуация выглядела бы комично, если бы не то, что леди Джейн увидела, бросая последний взгляд на дом: «Его ответный взгляд был неумолим».

Здесь намечаются все линии дальнейшего повествования — и отношения молодой женщины с ее новым поместьем (да-да, отношения, как с живым существом), и тайна мистера Джоунза, и не менее захватывающая тайна молодого человека из рода Тудени, чей саркофаг, увенчанный бюстом, находится на маленьком фамильном кладбище.

Леди Джейн вместе со своим другом Стреймером затевает настоящее расследование, но тайн и противоречий становится только больше. О Джоунзе сама героиня говорит нечто весьма странное: «...мой незримый страж или, скорее, страж Беллз... Ему тысяча лет, и, боюсь, он очень болен». Невидимое, неясной природы создание обладает сильнейшим влиянием не только на слуг, но и на новую хозяйку, и внимательный читатель готических новелл уже вполне может догадаться, что здесь не обошлось без сверхъестественного, а слова про тысячу лет, употребленные, естественно, не в прямом смысле, оказываются ближе к истине, чем можно было предполагать. Мистер Джоунз упомянут в письме к одному из прежних владельцев (тому самому молодому человеку) от его жены, датированном... 1826 годом. Виконтесса, жертва алчности и легкомыслия своего мужа, пишет как будто из заточения, а Джоунз — ее тюремщик. Это живо напоминает сюжеты «романов тайны и ужаса» с их неизменными

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Литинская. Уютный загородный дом с центральным отоплением: Несколько слов о готических новеллах 5

Элизабет Гаскелл

Любопытно, если правда:

Выдержки из письма Ричарда Уиттингема, эсквайра

Перевод Л. Бриловой 29

Фрэнк Ричард Стоктон

Призрак и новая должность. *Перевод Л. Бриловой* 50

Призрак в наследство. *Перевод Л. Бриловой* 63

Генри Джеймс

Съемный дом с привидениями. *Перевод Л. Бриловой* 84

Э. и Х. Херон

История Кроусэджа. *Перевод Л. Бриловой* 127

История Флаксмана Лоу. *Перевод Л. Бриловой* 144

Эдит Уортон

Мистер Джоунз. *Перевод Л. Бриловой* 162

День Всех Душ. *Перевод Л. Бриловой* 197

Кливленд Лэнгстон Моффет

История о загадочной карточке

Перевод Л. Бриловой 227

Артур Квиллер-Куч

Мой дед Хендри Уотти: *Шутка*

Перевод Л. Бриловой 260

Джон Бакан

Путешествие, не принесшее барыша

Перевод Л. Бриловой 267

Уильям Фрайер Харви

Часы. *Перевод С. Сухарева* 280

Мисс Корнелиус. *Перевод С. Сухарева* 286

Комментарии. *С. А. Антонов, А. А. Литинская* 310